

Заветный день наступил быстро. В семействе Ли все нарядились с иголки и приготовили ритуальные подношения согласно древнему обычаю. К этому времени один за другим начали съезжаться старшие ученики доктора Циня. На самом деле некоторые прибыли ещё пару дней назад — всем не терпелось взглянуть на самого младшего собрата. И то сказать: учителю уже перевалило за семьдесят. Хотя он и выглядел на удивление бодрым и моложавым — посторонние легко дали бы ему чуть за шестьдесят, — годы не обманешь, старец разменял восьмой десяток. Прежде он именно этим почтенным возрастом оправдывал свой отказ принимать преемников. Несколько лет назад он сделал исключение для Су Хэвэна, но там были свои причины: это походило скорее на заботу о сыне старого друга, чем на настоящее наставничество. В традиционной китайской медицине Су Хэвэн звёзд с неба не хватал, и все об этом прекрасно знали. Старик же последние годы постоянно переписывался с каким-то деревенским мальчишкой и то и дело вздыхал над письмами: мол, редкий талант растёт. И вот надо же, действительно взял в ученики! Разумеется, старших так и подмывало посмотреть на это чудо.

— Наш старик упрям как бык, — судачили они в ожидании начала. — Раз уж он решил взять преемника, тем знатым домам, которым он раньше отказал, это вряд ли понравится. Ох, непросто будет с ними разойтись.

— Хм, чего бояться? — фыркнул другой. — В его-то годы и с его положением глупо оглядываться на чужое мнение. К тому же большинство из тех, кому отказали, люди разумные. Если у их отпрысков нет таланта, они и сами это понимают. Зачем попусту тратить чужие годы? А если кто и вздумает вставлять палки в колёса... Мы что, по-твоему, олухи царя небесного? Не позволим обидеть старика. Да и не жильцы на вершине те семьи, что опускаются до такой мелочности.

— Оно-то так, но если полезут на рожон, мороки не оберёшься. Интересно всё-таки, каков из себя наш младший, раз учитель решился нарушить зарок?

Характеры у всех, конечно, были разные: кто-то отличался простодушием, кто-то вечно осторожничал, а кто-то держался светски и непринуждённо. Но когда Ван Сюань предстал перед этой солидной компанией — а иные из названных братьев и сестёр годились ему в дедушки или отцы, — он ничуть не растерялся. Юноша с безупречной вежливостью поприветствовал каждого. Держался он открыто и с достоинством, выказав прекрасное воспитание, но при этом сохраняя очаровательную скромность, подобающую самому младшему. Кроме учеников, доктор Цинь пригласил на торжество двоих-троих близких друзей. Со стороны Ван Сюаня единственным старшим родственником присутствовал Ли Сы.

Паренёк сразу пришёлся всем по душе. Да и у кого поднялась бы рука придирается к подростку? Даже если кто-то втайне и считал выбор наставника предвзятым, в их солидном возрасте мелочиться перед мальчишкой означало бы расписаться в собственной глупости. Под пристальными взглядами гостей Ван Сюань чинно, шаг за шагом, исполнил весь ритуал посвящения. Тонкие черты лица, благородная осанка — во время совершения земных поклонов предкам-основателям школы и самому учителю, а также во время подношения чая он выглядел на редкость изящно. Настоящая отрада для глаз. Когда обряд завершился, зал взорвался аплодисментами. Гости поздравляли доктора Циня с прекрасным преемником, радовались друг за друга, и в воздухе царил неподдельное веселье. Доктор Цинь ласково притянул Ван Сюаня к себе и начал знакомить с присутствующими.

— Это твой старший брат, сейчас он возглавляет отделение в больнице... — Коротко обрисовав заслуги первенца, старик махнул рукой: — Старший, давай сам, проводи парня по кругу, познакомь со всеми как следует.

Ван Сюань пошёл следом за старшим братом, бережно поддерживая его под локоть. Знакомство затянулось, юношу буквально осыпали подарками и красными конвертами с деньгами. Голова у него не пошла кругом — природа наградила его феноменальной памятью. Без этого он вряд ли смог бы самостоятельно штудировать древние трактаты, заучивать наизусть тысячи рецептов и при этом блестяще сдать государственные экзамены.

Церемония получилась простой, но исключительно торжественной. Отныне близкий круг Ван Сюаня, в котором раньше были только отец и сын Ли, пополнился наставником. Возможно, со временем в него войдут и названные братья с сёстрами, но это покажет будущее. Из-за колоссальной разницы в возрасте многие новоиспечённые родственники добродушно предлагали: «Приезжай в гости, познакомлю тебя со своими детьми и внуками, поиграете». В такие моменты Ван Сюань испытывал лёгкое замешательство — шутка ли, его семейное старшинство в один миг взлетело до небес!

Гости погостили полдня и засобирались восвояси. Многие из них занимали высокие посты в столичных клиниках — бесконечные лекции, конференции, консилиумы не позволяли надолго отлучаться. Среди учеников были и те, кто ушёл в западную медицину, и те, чья деятельность вообще не была связана с лечением. Впрочем, почти все они добились солидных высот, хотя в глазах строгого учителя те, кто оставил традиционное искусство, оставались легкомысленными отступниками, променявшими призвание на ерунду.

Какое-то время доктор Цинь наслаждался беззаботной жизнью, балуемый разносолами, которые заботливо готовил для него новоиспечённый ученик. Однако вскоре старик снова погряз в делах и уехал. Лао Сы тоже нашёл себе занятие по душе: на его крошечном огороде только-только проклюнулись первые зелёные всходы, и всё своё время мужчина отдавал заботе о будущих грядках.

Тогда доктор Цинь велел Су Хэвэну завести старенький легковой автомобиль — сам наставник эту колыхагу терпеть не мог — и устроить для троицы гостей из деревни Сикань подробную экскурсию по Столице. Они объездили все достопримечательности, о которых слышали, и кучу мест, о существовании которых даже не догадывались. Дни летели весело и шумно. Гоудань с отцом и Ван Сюанем радовались исполнению давней мечты, а Су Хэвэн сиял ярче всех просто оттого, что ему позволили вволю крутить баранку.

Как говорится, издалека всё кажется краше.

Когда они поднялись на Великую китайскую стену, оказалось, что огромные её участки лежат в руинах, заросшие бурьяном и диким плющом.

— Во время известных потрясений за ней никто не следил, — пояснил Су Хэвэн, придерживая кепку на ветру. — Местные крестьяне потихоньку растаскивали кирпичи на курятники да

пристройки. Но сейчас поговаривают, что правительство выделит круглую сумму на реставрацию. Скоро, наверное, приведём эту красоту в первозданный вид.

— Ну, пусть и потрёпанная временем, а всё равно дух захватывает, — отозвался Ли Кай. — Сразу видно, какой титанический труд проделали предки. Потрясающе.

Они побывали в Храме Неба, прогулялись по величественным залам Императорского дворца и, конечно, сделали памятный снимок на площади Тяньаньмэнь под портретом Председателя Мао. Сами ребята фотографироваться любили: у них накопилась целая стопка карточек со времён начальной школы и до самого выпуска, которую Ли Сы обожал перебирать зимними вечерами. А вот сам глава семейства за всю свою долгую жизнь не снимался ни разу. Мужчина так разнервничался перед объективом, что совершенно не знал, куда деть руки и ноги. В итоге он вытянулся во фрунт, словно новобранец на плацу — спина струной, ладони по швам, — и то и дело боязливо оглядывался, переживая, не заслоняет ли он ненароком лик великого вождя.

Лишь когда они решили сделать совместное семейное фото, Лао Сы наконец отпустило. Он расслабился и широко, во весь рот улыбнулся, отчего его лицо покрылось тёплой сеточкой глубоких морщин.

После прогулки они отправились в недавно открывшийся ресторан попробовать знаменитую утку по-пекински. Именно там Су Хэвэн окончательно пересмотрел своё отношение к спутникам. Поначалу он считал их беспросветной деревенщиной, у которой едва хватает медяков на пропитание. В сыхэюане гости вели себя тише травы, скромно обстирывали себя сами, а порой прихватывали в стирку вещи Су Хэвэна и наставника; к тому же старик Ли Сы, казалось, окромя земли вообще ничего в жизни не видел.

Однако во время прогулок по городу выяснилось поразительное: хотя доктор Цинь выделил на расходы круглую сумму, деревенские гости упорно платили за всё из собственного кармана. Сначала Су Хэвэн пытался совать им деньги, выданные учителем на карманные расходы, но парни наотрез отказались. Сперва он грешным делом подумал, что они просто набивают себе цену из ложной гордости, но через пару дней понял: нет, ребята не юлят, у них действительно водятся деньги. Вот только откуда? Неужто жизнь в китайской глубинке теперь стала настолько сытой?

— Мы на каникулах подрабатывали, скопили немного, — просто объяснил Ли Кай. — Не переживай, миллионов у нас нет, но на скромные столичные развлечения точно хватит. И на учёбу с жильём останется.

— Да где ж это так платят школьникам? — недоверчиво хмыкнул Су Хэвэн. — Вы смотрите, не пускайте пыль в глаза. Спустите всё на глупости, а потом за семестр платить нечем будет...

— Зачем нам врать? — улыбнулся Ван Сюань. — Мы лет с тринадцати крутимся как можем. С тех пор сами себя и обеспечиваем.

Су Хэвэн прикусил язык. Такой целеустремлённости от младшего соученика и его приятеля он

никак не ожидал. Сам он, здоровый парень за двадцать, до сих пор сидел на шее у наставника и не заработал ни единого юаня. В душу закрался липкий, жгучий стыд.

С этого дня Су Хэвэн безропотно взял на себя роль проводника. Гоудань с Ван Сюанем и притихшим от избытка чувств отцом обошли всю Столицу вдоль и поперёк. Поездка превзошла все ожидания. Конечно, многие исторические памятники выглядели запущенными и изрядно обветшалыми — до былой помпезности и золотого блеска им было далеко. И всё же сквозь трещины и налёт времени угадывалось прежнее величие империи. В Столице древности лежали буквально под ногами, и у государства попросту не хватало казны на реставрацию каждого закоулка, так что многие усадьбы ветшали на глазах. Как говорится, когда добра слишком много, цена ему грош.

К примеру, помимо всемирно известных дворцов, в столице уцелело множество древних кварталов. Обычные старые улочки, примечательные разве что своим возрастом. За столетия они обросли нелепыми самодельными пристройками и покосившимися мансардами — тесными, кривыми, наползающими друг на друга. Для властей эти трущобы не представляли никакой культурной ценности, поэтому тратить на них бюджетные деньги никто не собирался. Кое-как финансировался разве что Запретный город, да и то со скрипом. А бесчисленные жилые хутуны пребывали в удручающем состоянии: из-за забитой канализации и перенаселённости там стоял тяжёлый смрад, а о санитарии местные жители имели весьма смутное представление. Так вчерашние провинциалы воочию увидели изнанку мегаполиса, где блеск столицы тесно соседствовал с нищетой.

— И всё же, пусть тут и грязно, это земля у подножия императорского трона, — рассуждал вслух Ли Кай, глядя на суету столичных переулков. — Местные живут куда сытнее тех, кто ютится в затерянных горных деревушках. Теперь понятно, почему столичные жители задирают нос и мнят себя солью земли.

— Родословную и место рождения не выбирают, — покачал головой Ван Сюань. — К тому же наша деревня сейчас тоже расцветает.

Действительно, в Сикане люди жили бедно, но привычно. Не зная иной жизни, крестьяне не тяготились своей нищетой. Спроси любого земляка, считает ли он себя бедняком, и тот кивнёт. Но попытайся разузнать, что в его понимании значит «богатство» и как роскошно живут горожане — он лишь разведёт руками. У него просто не было ориентиров для сравнения.

Под конец путешествия они заглянули в университет, где ребятам предстояло грызть гранит науки ближайшие четыре года. Узнав, что именно здесь обоснуется его сын, Ли Сы тут же потребовал сделать снимок у парадных ворот. Около такого престижного заведения всегда крутились предприимчивые фотографы с громоздкими треногами, зазывая прохожих.

Время отпуска подходило к концу. Накупив гостинцев, Ли Кай повёз отца обратно в провинцию — к тому моменту грядки Лао Сы как раз украсились первыми нежными тройными листочками. Ван Сюань остался в Пекине, чтобы продолжить занятия у доктора Циня. Решено было, что по возвращении Гоуданя они вместе отправятся на заселение в общежитие.

И снова замелькали за окном поезда бескрайние поля. Домой Ли Сы возвращался уже умудрённым опытом путешественником. Соседи поначалу не придали значения его отъезду, и лишь когда поезд ушёл, по деревне разнёсся слух: Лао Сы укатил в самую Столицу! Сиканцы исходили жгучей завистью. То ли судьбе его завидовали, то ли тому, какого золотого сына он вырастил. Все гнули спину ради детей одинаково, но отпрыск Ли Сы выбился в люди и отвёз отца повидать столицу, а их собственные обломыши до сих пор сидели на шее, заставляя родителей ломать голову, где взять денег на калым для невесты.

Как говорится, не сравнивай себя с другими — только изведёшься.

Крестьяне обступили соседа со всех сторон, наперебой расспрашивая: какова она, городская жизнь? Правда ли, что столичные жители ходят в шелках? Действительно ли поезд такой длинный и мчит быстрее разъярённого тигра? Ли Сы лишь смущённо кряхтел в кулак — красноречием бог его обделил. На самые настойчивые расспросы он односложно бубнил: «Хорошо там... Богато».

Когда слова иссякали окончательно, он бережно вытаскивал завёрнутые в чистую тряпицу фотографии. Лао Сы трясся над этими глянцевыми карточками как над величайшей драгоценностью: смотреть позволял только издали, а протянутые руки нещадно хлопал ладонью. Односельчане лишь восторженно цокали языками, разглядывая цветные чудеса.

Чтобы спасти отца от назойливых расспросов, Ли Кай выставил на стол угощения и быстро раздал любопытным конфеты. Проводив гостей, он принялся за дела. Первым делом юноша отправился к брату Мингуану, который присматривал за хозяйством в их отсутствие. Гоудань горячо поблагодарил его, вручил щедрые гостинцы из столицы и попросил не оставлять отца без присмотра и впредь. Устроив быт Ли Сы, парень вручил ему дубликат ключей от квартиры в уездном городе — чтобы тот мог в любое время съездить туда отдохнуть или прибраться.

Той же ночью Ли Кай сел на обратный поезд до Столицы. Начинался сезон студенческого разъезда, билеты раскупались мгновенно, а вагоны ломились от пассажиров. Почти весь путь юноша простоял в проходе, прислонившись плечом к перегородке, и лишь изредка проваливался в тяжёлую полудрему.

В этот раз привокзальная площадь встретила его совсем иначе: повсюду сновали толпы вчерашних школьников и старшекурсников с узлами и чемоданами. Прямо под открытым небом выстроились ровные ряды столов с табличками: «Пункт встречи первокурсников такого-то университета». Волонтёры помогали растерянным новичкам сориентироваться в незнакомом городе.

Ли Кай не спеша обошёл площадь и вскоре заметил вывеску своего факультета. Места в первых рядах занимали исключительно престижные столичные вузы; скромным провинциальным институтам площадей просто не досталось. Пару раз парень замечал, как растерянные юнцы безуспешно кружили по площади в поисках нужного названия, пока знающие люди не объясняли им: мол, у вашего заведения здесь причала нет, ищите автобусную остановку сами.

Городской транспорт штурмовали с боем. Втиснувшись в салон подошедшего автобуса, Гоудань едва не лишился чувств от тесноты. К счастью, громоздких вещей при себе у него не было. Когда он наконец вывалился на нужной остановке, оказалось, что в давке у него оторвали пуговицу на рубашке. Настоящее сумасшествие!

Он в который раз мысленно похвалил себя за то, что они приехали заранее. Пробиваться сквозь это безумие в общей волне было бы сущим адом. К концу семидесятых крупные транспортные узлы страны уже начинали бурлить тем невообразимым людским потоком, который в будущем станет визитной карточкой китайских мегаполисов.

Когда Ли Кай добрался до сыхэюаня доктора Циня, Ван Сюань уже всю сортировал вещи. С самого детства их пожитки лежали вперемешку, и упаковывать их мог любой из них. Но теперь, поступив на разные факультеты, они неизбежно расселялись по разным общежитиям. Приходилось делить багаж. Привыкший к неразлучности Ван Сюань то и дело ловил себя на том, что по старой привычке укладывает вещи названного брата в свой чемодан, а свои рубашки отправляет в коробку Гоуданя.

Разделение давалось обоим нелегко, но сильнее всех тосковал Ван Сюань. Со стороны могло показаться иначе, но на самом деле именно он был привязан к другу гораздо сильнее. К счастью, на выходные юноша планировал возвращаться сюда, в сыхэюань, чтобы продолжать уроки медицины — доктор Цинь выделил ему небольшую личную комнату. Естественно, Гоудань во время визитов собирался тесниться там же. Дом наставника хоть и казался просторным, но большинство помещений старик переоборудовал под сушильни для трав и рецептурные склады, так что жилых комнат осталось всего ничего.

Поскольку отец Гоуданя уехал, роль старшего родственника взял на себя доктор Цинь. Он устроился на заднем сиденье автомобиля Су Хэвэна, решив лично проводить юношей до ворот университета. Всю дорогу старик без умолку давал наставления: мол, если возникнут трудности, сразу бегите к нему или звоните старшим ученикам.

— Запомни, мальчик мой, за твоей спиной стою я, — наставлял доктор Цинь, ласково похлопывая Ван Сюаня по плечу. — Мы первыми в драку не лезем, но и спуска никому не давай. Нечего разыгрывать из себя бесхребетного праведника.

Пожилому лекарю казалось, что его тихий и послушный ученик слишком мягок характером, а такие в суровом мире часто оказываются без вины виноватыми. И хотя они знали друг друга без году неделя, родство душ — дело такое, тут уж как небо рассудит.

Ван Сюань лишь благодарно кивал. Чувствовать, что за тобой стоит надёжная опора, было непривычно, но чертовски приятно.

Из машины пожилой лекарь выходить не стал — у ворот бурлила слишком плотная толпа, и, несмотря на отменное здоровье, старику не следовало соваться в эту толкотню. Ребята вытащили багаж, дождались, пока автомобиль скроется за поворотом, и лишь тогда обернулись к монументальным воротам, за которыми им предстояло провести четыре года.

— Ну что, вместе? — негромко спросил Ли Кай.

— Вместе, — улыбнулся Ван Сюань.

Им не нужны были лишние слова. Гоудань даже не подозревал, на какие уступки пошёл его друг ради этого «вместе». По результатам экзаменов Ван Сюань мог легко пройти в лучший медицинский университет страны. Программа их нынешнего вуза, безусловно, считалась престижной, но по части классической медицины она заметно уступала специализированным академиям.

Однако юноша без колебаний выбрал этот вуз — просто для того, чтобы быть рядом с названным братом. Сам Ли Кай ни о чём не догадывался: они оба поступали впервые и совершенно не разбирались в тонкостях вузовских рейтингов. И пока простодушный Гоудань уныло размышлял о том, что они больше не смогут сидеть за одной партой, Ван Сюань тихо радовался тому, что они хотя бы будут делить одну территорию.

Народу было видимо-невидимо. Любое действие требовало стояния в бесконечных очередях. Кое-где они регистрировались вместе, но для оформления основных документов пришлось разделиться — разница факультетов давала о себе знать. Со своими объёмистыми чемоданами ребята ничем не выделялись на общем фоне: вокруг сновали первокурсники, обвешанные тюками с ватными одеялами, тазами и прочим нехитрым скарбом. В ту пору — будь то заносчивые горожане или вчерашние крестьяне, вытянувшие счастливый билет, — баловней судьбы среди студентов почти не водилось.

Начало восьмидесятых ознаменовало зарю великих реформ, но уровень жизни пока ушёл от застойных семидесятых совсем недалеко. Да, в газетах и по телевидению уже вовсю гремели истории первых отечественных богачей, но в масштабах всей страны Китай всё ещё оставался бедным, только-только пробуждающимся исполином.

Глядя на ладную одежду парней и их уверенную манеру держаться, трудно было заподозрить в них деревенских жителей. Вероятно, сказывалась многолетняя таинственная связь с их Пространственным карманом — сокровищем, показавшим им мир в таких масштабах, о каких обычные люди и не мечтали. Закалённые первыми коммерческими победами и годами самостоятельной жизни, они разительно отличались от вчерашних школьников, которые жались к родителям и во все глаза испуганно лупились на столичную суету.

Честно говоря, условия в студенческом общежитии оказались весьма скромными.

— Ну вот, и спорить не придётся, — Ван Сюань указал на наклеенную бумажку на спинке кровати. — Имена уже распределены. У тебя верхний ярус, это к лучшему.

Ван Сюань страдал маниакальной тягой к чистоте. Он терпеть не мог, когда чужие люди присаживались на его постель, да и сам никогда не ложился, не переодевшись в домашние штаны. С тех пор как у них завелись деньги, эта его привычка переросла в настоящий культ.

— Должно быть, руководству надоело расселять драчунов, вот они и решили клеить ярлыки заранее, — усмехнулся Ли Кай.

Такая предусмотрительность их удивила. В уездной школе правила были проще: кто первый пришёл, тот и забирал лучший угол.

Заправив постель и разложив вещи по полкам шкафа — к слову, дверцы здесь тоже были именными, — ребята заперли замок. Забрав документы и деньги с собой, они направились в корпус Ли Кая.

Гоуданю повезло чуть больше: его комната была рассчитана на шестерых, тогда как у Ван Сюаня ютилось сразу восемь человек. Кое-кто из соседей уже успел заселиться. В комнате стоял невообразимый гвалт — родители суетились, давая последние напутствия чадам. Высокий, широкоплечий и статный Ли Кай обладал той природной, слегка хищной харизмой, которая заставляет людей невольно расступаться. Стоило друзьям переступить порог, как гомон в комнате на секунду притих. Не обращая внимания на притихших соседей, Гоудань лишь едва заметно кивнул присутствующим, нашёл глазами листок со своим именем на одной из коек и уверенно направился к ней.

— Эй, приятель! — окликнул его один из новоиспечённых соседей, круглолицый парень в очках. — Может, поменяемся местами? Я так хотел спать на верхнем ярусе у окна...

— Не поменяемся, — отрезал Ли Кай.

<http://bllate.org/book/19654/1996791>